
Социальное государство — результат эволюции национального государства

© 2019 г. Н.Н. Федотова

*Московский государственный институт международных отношений, Москва,
119454, пр. Вернадского, д. 76.*

E-mail: nnfedotova@rambler.ru

Поступила: 4.04.2019

В данной статье рассмотрены отношения национального государства, идентичности и социального государства на разных исторических этапах. Национальное государство и соответствующая ему коллективная идентичность являются продуктами модерна. Показано, что национальное государство эволюционировало во многих развитых странах в социальное государство. Коллективная идентичность и национальное государство получают свое наивысшее воплощение в социальном государстве. Социальное государство является одним из важнейших элементов повышения внутренней связности национального государства, во многом основой его коллективной идентичности. В середине XX века в СССР, Европе и США сложились достаточно сильные социальные государства на базе национальных государств. С 1980-х годов в результате перехода к политике неолиберализма, а также в связи с процессами глобализации нарастают кризисные явления в социальном государстве, которые могут приводить к кризису национальной идентичности и осложнять функционирование национального государства. На примере Великобритании и Швеции показаны дискуссии о связи коллективной идентичности и социального государства. Автор полагает, что несмотря на трудности, которые испытывают социальные государства сегодня, определить себя социальным государством — популярная политическая цель, фактор повышения престижа страны и ее мягкой силы. В связи с этим автор приходит к выводу, что сегодня может быть обнаружена тенденция к универсализации социального государства в качестве модели успешного государства, точно так же как это происходило ранее с моделью национального государства, сложившейся в Европе и распространившейся на другие страны.

Ключевые слова: национальное государство, социальное государство, кризис социального государства, идентичность.

DOI: 10.31857/S004287440007155-5

Цитирование: *Федотова Н.Н.* Социальное государство — результат эволюции национального государства // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 17–21.

Welfare state is a result of the nation-state's evolution

© 2019 г. Nadezhda N. Fedotova

MGIMO University, 76, Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russian Federation.

E-mail: [nnfedotova@rambler.ru](mailto:nfedotova@rambler.ru)

Received 4.04.2019

This paper focuses on the relationship between the nation-state, identity and welfare state at different historical stages. The nation-state and collective identity are products of modernity. It is argued that the nation-state has evolved in many developed countries into a welfare state. The author argues that collective identity and the nation-state receive their highest incarnation in the welfare state. Welfare state is considered as one of the most significant elements of the nation-state's internal coherence. Since the 1980s (as a result of embracing neoliberalism) crisis phenomena in the welfare state systems have been increasing, which can lead to a crisis of national identity and complicate adequate functioning of the nation-state. The paper outlines British and Swedish recent discussions on the relationship between collective identity and the welfare state. The author believes that in spite of the difficulties welfare states experience today, defining themselves as welfare state is a popular nation-state's political goal, and a factor in increasing one country's prestige and soft power. The author arrives to the conclusion that there is a tendency today for the welfare state to become universalized as a model of successful state, as it happened earlier with the model of the nation-state that has been originated in Europe and exported to the other parts of the world.

Key words: welfare state, the nation-state, identity, crisis of the welfare state.

DOI: 10.31857/S004287440007155-5

Citation: Fedotova, Nadezhda N. (2019) 'Welfare state is a result of the nation-state's evolution', *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2019), pp. 17–21.

Вестфальский мир установил принципы территориальности и суверенитета и универсализировал в качестве субъекта действия национальное государство как внутри его собственной территории, так и за ее пределами. Понятие национального государства подразумевает использование терминов «государство» и «нация» как синонимов. Национальное государство формировало и обеспечивало общую национальную идентичность его граждан, выражавшуюся в самом большом чувстве «мы» населяющих его людей. Развитие национального государства уменьшало различия внутри каждой страны за счет растущего национального самосознания и ощущения принадлежности к ней при увеличении различий между отдельными странами.

Наибольшее воплощение национальное государство получило в конце XIX – начале XX вв. При этом, оно, по мнению известного австралийского социолога М. Уотерса, прошло в своем развитии две исторические фазы. Первую – либеральную фазу в XIX в., когда внешняя роль государства сводилась к защите собственного суверенитета от других государств, к дипломатии, торговле и обеспечению ввоза рабочей силы, а внутренняя была связана с созданием правовой системы, защищающей частную собственность и поддерживающей порядок в рабочей среде [Waters 1995]. Как отмечает Э. Тирикьян, «в “долгом” девятнадцатом веке, совпадающем с подъемом национального государства... главный внутренний вызов для государства заключался в необходимости вовлечения городского рабочего класса (который одно время ассоциировался с “опасным классом”) в институциональное устройство социального порядка эпохи модерна» [Tiryakian 2003, 21]. Таким образом, формирование социального государства было результатом эволюции функций национального государства.

Если национальное государство обеспечивало общую идентичность — коллективное «мы» обществ-государств по отношению к другим государствам, то внутри каждого государства эта общая идентичность раскалывалась пополам разделением на богатые и бедные слои, которые при капитализме четко разделялись на предпринимателей и нанятых рабочих, на буржуазию и пролетариат. Национальные государства XX в. ответили на этот вызов. Социальное государство фактически было новым этапом формирования коллективного «мы». Эту вторую фазу формирования национального государства М. Уотерс назвал «корпоративной». Она адекватна XX в., который отличали две мировые войны, великая депрессия, фашизм. Либеральные государства не могли препятствовать этим изменениям, т.к. в новых условиях они не были в состоянии мобилизовать различающиеся друг от друга группы для решения национальных проблем. Поэтому государство было реорганизовано так, чтобы не только обеспечивать безопасность, но и способствовать экономическому благосостоянию. Его главной стратегией стало поддержание инвестиций и промышленного развития в целях достижения высокой экономической активности. По форме оно стало корпоративным, его основной особенностью было взращивание массовой поддержки. Теперь у государства появились две новые обязанности — вмешиваться в экономику (центральное планирование, экономический и налоговый менеджмент) и усилить возникшее в XIX в. посредничество между различными социальными группами, особенно между нанимателями и наемными работниками [Waters 1995, 127–131].

Особую роль в этом процессе эволюции национального государства сыграло переосмысление его роли в поддержании социальной солидарности и коллективной идентичности, что и было достигнуто путем его трансформации в социальное государство. Как показал английский социолог Т. Маршалл: «Уравнивание происходит не столько между классами, сколько между индивидами, которые теперь рассматриваются так, как если бы они составляли один класс» [Маршалл 2011, 197]. Реформы Бисмарка в Германии в 1870-х гг. начали этот процесс. Он был продолжен Советским Союзом, Новым курсом Рузвельта в США, реформами У. Бевериджа во время Второй мировой войны в Великобритании и другими странами в послевоенный период. Материальные преимущества от экономического роста и международной стабильности перераспределялись населению посредством прогрессивного налога, поддержки здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения. Современный британский исследователь отмечает, что «максимальной широты... британская идентичность достигла после Второй мировой войны. В тот период к победе во второй подряд войне с Германией прибавились достижения НСЗ (национальной системы здравоохранения. — *Н.Ф.*), а также успешная национализация промышленности и создание социального государства. Беспрецедентное благополучие, распространившееся на множество разных социальных слоев, заставило людей поверить в британскую идентичность, основой которой служила забота государства о каждом гражданине» [Johnson web]. Иными словами, укрепившаяся вера в «британскую идентичность» являлась следствием эволюции национального государства в социальное.

В процессе подобной эволюции социальное государство получило не только политическое, но и правовое воплощение. Формула «собственность обязывает», характеризующая социальную функцию собственности и ее направленность на общее благо, а середины XX в. обрела статус конституционного принципа в ряде западных стран. Анализируя эту ситуацию, Т. Маршалл выделял три составляющих гражданства в социальном государстве — гражданско-правовое, политическое и социальное. Гражданско-правовая сторона связана с правами личной свободы. Политический аспект — с избирательным правом и правом выдвигаться в органы власти. Социальная составляющая определена им максимально широко и включает «весь спектр прав — от права на определенное экономическое благосостояние и безопасность до права на приобщение к культурному наследию и права жить цивилизованной жизнью в соответствии с существующими в обществе стандартами» [Маршалл 2011, 154]. Т. Маршалл подчеркивал последовательность этапов формирования этих прав: гражданские права в XVIII в., политические — в XIX в., социальные — в XX в, хотя он и делал оговорку, что иногда процессы формирования политических и социальных права накладывались друг на

друга. На наш взгляд, такая периодизация применима только к западным странам. В отношении незападных стран, к которым относится и Россия, вряд ли можно говорить о четкой линии перехода от гражданско-правового элемента гражданства к политическому и социальному. Эти аспекты могут быть представлены в виде комплекса, элементы которого могут быть выбраны и реализованы в произвольной последовательности. Советский Союз, как нам кажется, выбрал для реализации только социальные права, проигнорировав в значительной степени два других правовых аспекта социального государства.

Начиная с 1970-х гг. в западных странах администрирование социального государства требовало все больше и больше средств, между тем как конкурентоспособность западной экономики к этому времени уже не являлась абсолютной; государственное вмешательство в экономику все более обвинялось в неэффективности; в результате процессов глобализации выросло значение мирового рынка. Государства стали уходить из экономики, завершилась эпоха кейнсианского контролируемого капитализма. Уже цитировавшийся выше британский исследователь Джонсон отмечает: нелиберальные реформы, начатые в ответ на предшествующую социальную политику, создали в Великобритании условия для кризиса идентичности, и люди стали чаще сомневаться в том, что они должны хранить верность британскому государству, которое постоянно уменьшает количество услуг. «Промышленность и ресурсы были приватизированы, социальное государство демонтировано, НСЗ урезана. Непредусмотренным результатом этого политического курса стало исчезновение общественных институтов, на которые опиралась британская идентичность послевоенного времени. Исчезли концепции, в которые люди верили и которые в свое время многое дали поколению бэби-бума, поддержавшему позднее нелиберальные реформы. Крах британского коллективизма и появление “ночного сторожа” создали национальную идентичность, активизирующуюся исключительно в трудные периоды – коллективизм, который проявляется только перед лицом внешних угроз» [Johnson web]. Джонсон делает вывод, что Великобритания исторически представляла собой лишь ряд относительно удачных проектов по созданию идентичности, осуществляемой разными государственными аппаратами. «А так как государственный аппарат сократился сильнее, чем раньше, локальные идентичности снова подняли головы. Части страны, которые некогда удерживались вместе благодаря таким общим достижениям, как Национальная система здравоохранения (НСЗ), национализированная промышленность и социальное государство, постепенно расходятся... Британская и ... английская идентичность оказались под вопросом» [Johnson web]. Эти процессы касались не только Великобритании. По существу они демонстрируют, каким образом ослабление социального государства подвергает опасности саму целостность национального государства.

В России в силу ряда исторических причин национальное государство и соответствующая ему политическая нация пока окончательно не сложились. После распада Советского Союза формирование новой российской идентичности затруднялось тем, что Россия никогда не существовала в территориальных пределах, которые она приобрела после 1991 г. Кроме того, в советское время идентификация граждан с Российской Федерацией практически отсутствовала, поэтому российскую идентичность в постсоветское время надо было строить практически заново. На наш взгляд, не в последнюю очередь, формирование российской идентичности и национального государства затрудняется слабостью российского социального государства.

Интересный случай взаимосвязи национального государства, идентичности и социального государства представляет собой Швеция. Эта страна известна в определенной степени как эталон социального государства, которое, по мнению Эспинг-Андерсена, прошло эволюцию от равенства на «низком уровне», то есть равенства для бедных, до «равенства на максимальном уровне» конца XX в. Однако, он обращает внимание на «постепенную эрозию» традиционной шведской солидарности [Эспинг-Андерсен 2001, 107], а, значит и на угрозу национальной идентичности. В XXI в. в Швеции усилена роль рынка, уменьшена степень декоммодификации, выросло неравенство. Сегодня активно обсуждается судьба шведского социального проекта и устойчивость системы заботы «от колыбели до могилы». Согласно прессе, недовольство

шведов связано в первую очередь с неолиберальными тенденциями в здравоохранении: за последние годы людей, ожидающих операции или визита к специализированному врачу более, чем 90 дней, выросло в три раза, закрыты родильные отделения в некоторых региональных госпиталях. В результате шведы стали чаще обращаться к частной платной системе здравоохранения, покупать медицинские страховки. Пенсионная система стала менее щедрой, в связи с чем возникает необходимость оформлять дополнительное пенсионное обеспечение через работодателя. Однако в теоретических социально-гуманитарных публикациях авторы зачастую пытаются характеризовать современное состояние социального государства Швеции как определенный успех в плане равного распределения доходов в сравнении с другими развитыми странами. Вместе с тем, как отмечают шведские исследователи, главный вызов шведскому социальному государству в XXI в. состоит в том, чтобы осуществить переход от государства благосостояния XX в., соответствующего массовому индустриальному производству, к государству благосостояния для новой цифровой экономики без потери солидарности и культурных ценностей [Witoszek, Midttun 2018].

Социальное государство, пишет немецкий социолог У. Бек, проигрывает в условиях глобализации в связи с тем, что экономика уходит из-под его контроля, а негативные социальные последствия этого процесса, вызванные сокращением социальных гарантий, накапливаются в пределах национально-государственных границ. Можно ли, однако, предполагать, что проект социального государства сегодня из-за испытываемых им трудностей лишается своей привлекательности? Мы полагаем, что это не так. Несмотря на трудности, стать социальным государством – популярная цель. Эта цель наполняется разным содержанием в зависимости от социокультурной специфики и уровня социального, экономического и политического развития стран. Например, Китай сегодня официально стремится к построению «среднезажиточного» общества. Многие страны в настоящее время хотели бы построить социальные государства. Мы можем предположить, что социальное государство универсализируется в качестве модели успешного государства, как это происходило ранее с моделью национального государства.

Ссылки – References in Russian

Маршалл 2011 – *Маршалл Т.Х.* Гражданство и социальный класс // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Высшая школа экономики, 2011. С. 145–223.

Эспинг-Андерсен 2001 – *Эспинг-Андерсен Е.* Создание социал-демократического государства благосостояния // Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции / Под ред. Мисгельд К., Мулин К., Омарк К. М.: Весь мир, 2001. С. 71–110.

References

Esping-Andersen, Gösta (1993) 'The Making of a Social Democratic Welfare State', *Creating Social Democracy. A Century of the Social Democratic Labor Party in Sweden*, Penn State University Press, University Park, Pennsylvania (Russian Translation, 2001).

Johnson, Matthew (2015) web – Empire at Sunset. British Identity Crumbles // *Foreign Affairs* // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-kingdom/2015-04-24/empire-sunset>

Marshall, Thomas H. (1950) *Citizenship and social class*, University of Cambridge Press, Cambridge (Russian translation, 2011).

Tiryakian, Edward A. (2003) 'Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non', *International Journal on Multicultural Societies*, 5, 1, pp. 20–39.

Waters, Malcolm (1995) *Globalization*, Routledge, London.

Witoszek, Nina, Midttun, Atle (eds) (2018) – *Sustainable Modernity: The Nordic Model and Beyond*, Routledge: Abingdon, N.Y.

Сведения об авторе

ФЕДОТОВА Надежда Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел России.

Author's information

FEDOTOVA Nadezhda N. – DSc in Sociology, Professor, Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)